

На острие сознания

Из любой ситуации есть выход,
просто не все его находят.

/ Хардли Хавелок /

Чем старше мы становимся, тем чаще вспоминаем прошлое. И, доходя до определенного рубежа, только прошлым и живем, потому как настоящее безрадостно и однообразно, за редким исключением. Я пока не дошла до опасной черты, но на ум все чаще и чаще приходят картинки прошлой жизни, по большей части счастливой, по меньшей – грустной, а особой «зарисовкой» - те моменты, когда ходила по лезвию ножа.

Или по лезвию сознания - шаг влево, шаг вправо, без разницы, и у тебя уже нет выбора: инициатива исходит от другого человека, в его руках твоя жизнь.

Надо осторожно передвигаться по тому самому лезвию, при этом трезво мыслить и успеть вовремя перехватить инициативу.

Я никогда не рассказывала своим детям и внукам историю, случившуюся со мной в далеком прошлом, когда я была молода и невероятно наивна, несмотря на совсем не подростковый возраст, но это не значит, что я с легкостью выбросила эту историю из головы – не тот случай...

Итак, мне двадцать пять. Мои подружки давно замужем и успели обзавестись потомством, причем некоторые по второму разу.

Я хожу в девах, незаметно приближаясь к прилагательному «старая».

Ничего удивительного: в ту пору, в середине семидесятых, девчонки выскакивали замуж рано, мало обращая внимания на учебу, карьеру и отсутствие собственной жилплощади. Что главное? Главное – любовь!

Я так сильно хотела влюбиться и так хотела выйти замуж, что оба желания сыграли со мной злую шутку – отпугивали потенциальных кавалеров. Или причина была в том самом главном, в любви, которой ни у меня, ни у

потенциальных кавалеров не возникло за время нашего общения различной протяженности...

Все детство я провела в поселке городского типа. Мои родители были людьми известными – отец передовик производства на заводе химической промышленности, его портрет много лет висел на доске почета, мать директорствовала в детском саду. Я всегда была окружена заботой и любовью, родители изо всех сил старались оградить меня от жизненных невзгод, любое мое желание моментально исполнялось. Этакое «растение мимоза в ботаническом саду», как говорилось в одной детской книжке. Несмотря ни на что, своими правами без обязанностей я не злоупотребляла, в определенном возрасте не создавала проблем.

Без малого в восемнадцать я приехала в крупный областной центр - после окончания школы, причем окончила школу с серебряной медалью. Легко поступила в институт, пять лет прожила в студенческой общаге, заслужила «красный» диплом о высшем образовании и перекочевала в общежитие при крупном предприятии, именуемом в ту пору «ящиком».

Не знаю, что обо мне думали мои знакомые, но в душе я по-прежнему считала себя «растением мимоза». Конечно, студенческие годы меня закалили, но так и не научили бороться за себя, не научили отстаивать свое мнение. И не потому, что была человеком без стрижня внутри, очень даже со стрижнем – не плакса-вакса, позволяющая себя унижать и терпеливо выдерживающая нападки. Я не выношу споров, не люблю интриг, не хочу создавать людям проблемы или обижать неосторожно брошенным словом, уж лучше я буду помалкивать. Я привыкла быть тихой и привыкла быть незаметной. Мне так выгоднее и спокойнее. Но, вероятно, именно по этой причине парни не обращали на меня особого внимания, несмотря на внешнюю привлекательность. Если бы к такой внешности прилагалось умение правильно себя подать, то я давно бы выскочила замуж, родила детишек, а главное – сменила свою ненавистную фамилию Задова на что-то более подходящее к моему имени Нинель. А так получалась полная несуразица – Нинель Олеговна Задова. Конечно, родителей не выбирают, как и фамилию, но право занять другую после штампа в паспорте никто не отменял.

Больше всего я боялась, что в меня влюбится какой-нибудь Замухрыстов, я стану Замухрыстовой и мои дети будут Замухрыстовы. Или, к примеру, Дураковы.

В моем классе был мальчишка по фамилии Дураков, вполне себе не дурак – средних способностей, к тому же с первого класса оказывал мне знаки внимания. Жил он со мной в одном доме, поэтому постоянно мелькал у меня перед глазами, что в школе, что после уроков, что во время дворовых игр. В начальной школе Иван Дураков дергал меня за косички – пытался обратить на себя внимание. Потом начал носить мой портфель, тем самым показывая учащимся нашей школы, кто есть кто, и намекая, что любые попользования в мою сторону будут грубо пресечены. Ванька пошел фигурой в своего отца, напоминавшего Илью Муромца.

И мордаха у Ваньки была смазливой, но характер... Сунь палец в рот – откусит.

Я держала Дуракова на дистанции. Установленных мною границ он не пересекал, в чувствах не признавался, намеков не делал, но смотрел на меня такими глазами, что и без слов становилось ясно – твердо влюблен, практически на всю жизнь. Меня сей факт категорически не устраивал, но вступать с «богатырем» в открытую конфронтацию я считала излишним. И не потому, что побаивалась его, вовсе нет, напоминаю – всегда была тихоней, не хотела обидеть неловким словом. Про таких, как я, говорят – ни рыба, ни мясо. Не знаю, что во мне нашел Иван Дураков, что он разглядел – вероятно негибкий внутренний стержень, зацементированный до поры - до времени, но ходил за мной по пятам все десять школьных лет. А на выпускном вечере его взяла в оборот моя близкая подруга Светка Калмыкова, которой не светило высшее образование, а в голове сосредоточилась четкая мечта – выскочить замуж после десятилетки за надежного парня из хорошей семьи. У Ваньки семья была трудовой и порядочной, чем ни кандидатура.

За углом школы Ванька опрокинул в себя стакан портвейна, рядом оказалась Светка Калмыкова, любовь завертелась с космической скоростью. Уже осенью они поженились, потом у них родился «шестимесячный» ребенок. Ванька отслужил в армии, вернулся, у них родился второй ребенок. Кстати, живут они в любви и согласии до сей поры.

Светка всегда говорила: нельзя ждать милостей от природы... и все в таком духе. И всегда заканчивала фразой – рыцарей на белых конях не всех не хватит.

Никаких рыцарей я не ждала, но и за завалющего с вредными привычками замуж бы никогда не пошла.

Сразу после защиты диплома скончалась моя мама. У нее внезапно оторвался тромб. Отец очень ее любил, не мог вынести разлуки и умер спустя год. Еще через год я обменяла нашу трехкомнатную квартиру в поселке городского типа на однокомнатную в городе, возвращаться в родной поселок, где всё мне напоминало о любимых родителях, совсем не хотелось. Боль утраты долго меня не покидала, но я не выставляла ее напоказ, некоторые недоброжелатели считали меня черствой и бессердечной, желая найти во мне хотя бы какие-то отрицательные черты. Сплошь положительные личности заставляют предаться сомнениям, а если уж эта личность никак не проявляет свои мало-мальски пагубные наклонности или что-то там еще, то остается только додумывать, убеждать себя и других, из противоположного клана, чтобы домыслы легче проглатывались – принимались на веру.

Мой переезд из заводского общежития в собственную квартиру сыграл со мной злую шутку – количество недоброжелателей увеличилось. Особо ретивые высказывали соображения: дескать, квартира мне досталась от любовника, ужасно старого и ужасно противного. Вся обидная клевета отскакивала от меня, как хорошо накачанный мяч от стены. Что эти разговоры по сравнению с моей утратой – мелочь. Поэтому не стоит обращать внимания.

Даже несмотря на то, что я была молодым специалистом, зарабатывала я неплохо, подэкономила и смогла купить поддержанный автомобиль. Закончила курсы, получила водительские права и начала рассекать на машине по улицам города. Не знаю, как пережили четырехколесное приобретение мои «друзья»-коллеги, но ни одно из колес проколото не было – и на том спасибо.

Вскоре у меня появился кавалер, брат моей бывшей сокурсницы, Галки Власенко. С ним я познакомилась на Галкином юбилее – ей, как и мне, стукнуло двадцать пять.

Брат Галины, Серафим, был старше сестры на восемь лет. Он успел защитить кандидатскую диссертацию по какой-то сложной теме с биологическим уклоном, любил пустить пыль в глаза показательной недосказанностью – замолкал, не договорил свой текст и ждал уточняющих вопросов, чтобы незлобно поглумиться над любопытным человеком, ловко попавшим в сети, расставленные ученым-биологом. Не пойму, зачем Серафим так поступал, возможно, хотел показать свое превосходство. Именно этим он мне совершенно не понравился. Но я не отказалась от его предложения проводить

меня до дома. Мы шли по ночному городу и разговаривали. Когда ушло всё напускное, Серафиму не перед кем стало «показываться», я поняла, что он простой хороший парень, который не кичится своим ученым званием и не пытается макнуть меня в лужу. О своей любимой биологии он и не вспомнил, расспрашивал меня о моем детстве, моих родителях...

О чем я думала всю ночь после юбилея Галки? О фамилии Власенко: раз Галка носит фамилию Власенко, то и ее брат тоже. Власенко – не абы что, но лучше, чем Задова или Дуракова.

Как же я сильно ошибалась! Оказалось, Галина и Серафим – сводные сестра и брат по матери. У Серафима фамилия – Тындык.

Ну, почему, почему мне так не везет?!

Конечно, я повела себя как полная дура. Находила тысячу причин, чтобы отказаться от встречи с Серафимом Тындык. Возможно, причина была не в фамилии, а в моем абсолютном безразличии к мужчине. Или он мне чуть-чуть нравился, как нравится чайная пара или новая обувь: нет ее, ну и ладно. Я не мучилась бессонными ночами от любви, не трепетала от ожидания новой встречи. И была на сто процентов уверена – со временем любовь к Серафиму не накроет меня с головой. Фамилия – всего лишь отговорка.

Наши встречи случались все реже и реже, и в результате сошли на нет. Выходит, расстались без слез и сожаления.

Но осадочек остался: казалось, что я поступила жестоко, наплевав на его чувство среднего размера. Почему среднего? Да, потому что при наличие большого чувство Серафим стал бы за меня бороться.

Чтобы успокоить себя и избавиться от «осадочка», я пораскинула мозгами и пришла к неутешительному выводу: Серафимом Тындык руководил корыстный интерес. Невеста-то я завидная: с квартирой, с машиной, с зарплатой, сильно отличающейся от зарплаты младшего научного сотрудника, коим являлся гражданин Тындык.

Как оказалось, мои предположения были ни беспочвенны. Уже через пару недель я случайно столкнулась на улице с выше упомянутым гражданином, который вел под локоток пышную даму, увешанную золотыми изделиями, как прилавок ювелирного магазина. Дама явно имела отношение к торговле. Кавалер был так занят своей спутницей, что не обратил на меня никакого внимания. Я хотела позвонить Галке и узнать о новостях в жизни ее сводного

братца, но быстро передумала – зачем мне лишняя информация, он зла на меня не держит, как оказалось, и то хорошо...

Как-то я возвращалась с работы. Прекрасный теплый вечер конца мая. Солнце прячется на жилые дома. Горожане неспешно передвигаются по тротуарам. Я уверенно веду свой автомобиль, привычно успеваю поглядывать по сторонам. Будто бы верно оцениваю дорожную ситуацию, но ползущий передо мной автомобиль вдруг резко тормозит без всякой на то причины, мне пришлось быстро отреагировать, но все же уткнулась передним бампером в чужое автотранспортное средство. К скрипу тормозов добавился хлопок со всеми вытекающими последствиями.

Я выскочила из салона, опередив пострадавшую сторону. Мое внимание целиком сосредоточилось на повреждениях чужой машины. Надо признать, повреждения были так себе, но любой мужчина, как известно, очень тяжело переносит обиду, нанесенную его «любимой», которая, чаще всего, в списке приоритетов опережает другую любимую, из крови и плоти.

Я вся сжалась – приготовилась выслушать нелестные эпитеты в свой адрес. Но услышала совсем иное.

- Это я виноват. Резко затормозил на светофоре.

- Но ведь горел «зеленый»... - пролепетала я с непониманием и осеклась – лучше не спорить.

Великодушный незнакомец отмолчался. Пришлось отдуваться мне.

- Я не держала дистанцию, извините, - не слишком уверенно проговорила я.

Незнакомец расцвел в приветливой улыбке, слишком заразительной, чтобы на нее не ответить. Кончики моих губ непроизвольно задергались и поехали вверх. Странная картина, скажем честно: два участника автоаварии светятся от счастья.

Наше обоюдное «свечение» было прервано появлением стражей дорожного правопорядка. Мой визави сразу заявил, что претензий ко мне не имеет. Однако блюститель дорожного порядка принялся составлять протокол. Мужчина отвел его в сторону. Состоялась короткая беседа тет-а-тет, после чего стражи потребовали не мешать движению автотранспорта, проследили, чтобы мы освободили проезд, после чего умчались по своим важным делам.

Я двигалась за красавцем-водителем как привязанная. Вскоре он мигнул мне фарами и припарковал свой автомобиль на обочине. Я последовала его примеру. Но из машины не вышла. И не потому что хотела что-то там из себя вообразить: у меня был стресс. И причина тому не незначительные повреждения автомобиля: таких редких красавцев я ни разу не встречала за всю свою двадцатипятилетнюю жизнь.

Красавец вышел из машины, потрусил в мою сторону, плюхнулся на пассажирское место и сказал:

- Игорь Левандовский.

Подумал и протянул мне руку. Я втиснула свою ладошку в его теплую мягкую руку.

Он еще и Левандовский, - мелькнула в моей голове глупая мысль.

- Нинель, - назвалась я без фамилии. – Извините меня... за происшествие, - снова покаялась я.

- Забудьте, что за ерунда, - отмахнулся Игорь. – Вы нормально себя чувствуете? – ласково спросил он. – Можете управлять автомобилем?

- Нормально, - выдавила я из себя. – А что? Я странно выгляжу?

- Я подумал, что вам ни по себе. Сразу видно, что вы впечатлительная особа. Может быть, хотите воды? Или мороженого?

- Хочу, - призналась я и повторила за Винни-пухом, - и того, и другого, и побольше.

- Прекрасно. Тогда предлагаю пойти в парк, - он кивнул в сторону пока невидного с этого места городского парка, до которого было рукой подать, всего лишь нырнуть в подземный переход, вынырнуть из него, пройти один квартал, и ты уже вдыхаешь чистый воздух, наполненный вечерней прохладой. А на танцплощадке играет музыка, топчутся пары, изображая медленный танец. На скамейках, выставленных вдоль аллеи, сидят старушки и строгими взглядами провожают прохожих.

На нас с Игорем все обращали внимание. Так, по крайней мере, мне казалось. И еще казалось, что рядом с ним из простого лютика я превратилась в шикарную розу. Расцвела.

Через неделю мы подали заявление в загс, через два месяца расписались без всяких пышных торжеств. Потом уехали на две недели в Сочи, оставшиеся две недели от отпуска было решено провести в деревне, в доме дедушки и бабушки Игоря.

Две недели на море пролетели как один день. Мы наслаждались обществом друг друга, не замечали никого вокруг.

Потом поехали на моей машине в деревню Сазоново, в родовое гнездо семьи Левандовских.

Оказалось, что фамилию Сазоновы носит половина деревни, бабушка Игоря в девичестве тоже была Сазонова.

Игорь рассказал, что деда нет уже десять лет, бабушка пережила его всего на два года. Каждый год внук приезжает в деревню в отпуск, скорее по привычке. Здесь он отдыхает душой.

Своего отца Игорь совсем не помнит. Когда ему было три года, мать вышла замуж второй раз, малолетнего сына благополучно спихнула на руки своих родителей, и с тех пор неустанно колесит по стране вместе с супругом-строителем. Не сказать, что малолетний, а потом и подросток, был расстроен сим фактом: мать всегда была женщиной деспотичной и властной, не выносила малейшего непослушания. Малолетнему ребенку часто доставалось от нее по полной. Чего не скажешь о стариках. Те обожали внука, но особо его не баловали, не до того им было. У мальчика были свои обязанности по дому, которые он успешно выполнял.

Игорь пытался узнать у бабушки о своем отце, пытался понять, почему носит фамилию деда и унаследовал от него отчество - Мстиславович, но бабушка отмахивалась и говорила, что нет у него никакого отца. Нет и не было. Мальчик соглашался – нет, и ладно, главное, есть любящие дед и бабушка, заманившие ему мать-кукушку и якобы не существующего отца.

Со временем мальчик подрос и сообразил, что без потенциального папочки дело не обошлось, снова загорелся желанием его найти, но бабуля быстро погасила пожар интереса, приведя свои загадочные доводы: был отец разведчиком, его забросили на вражескую территорию, где он и сгинул, но обсуждать эту запретную тему нельзя ни с кем и никогда.

В восемнадцать лет Игорь женился первый раз. В жены выбрал свою же, деревенскую, Лизку Середу. Лизка заявила, что ждет от него ребенка. После выяснилось обратное - нет никакого ребенка, девушке сильно хотелось за

Игоря замуж. Игорь крутил с ней любовь, но жениться не собирался. После радостной новости Игорь развелся с женой-обманщицей и ушел в армию. После службы вернулся в Сазоново, погостил немного, потом подал документы на заочное отделение юридического факультета университета. Год проучился на заочном, работал на обувной фабрике, затем перевелся на очное. Бабушка настояла, она считала заочное обучение «ерундой, а не получением нормальных знаний».

После получения диплома Игорь Левандовский уехал по распределению на Урал, в небольшой городок. Два с лишним года протирал штаны в затрапезной юридической конторе, потом умер дед, занемогла бабушка, Игорь вернулся в родной дом. Устроился на работу по специальности в двадцати минутах езды от деревни, в районном центре, на кондитерской фабрике. Зплата оставляла желать лучшего, перспектив никаких. Но его больше занимало здоровье самого близкого человека, любимой бабушки.

Как-то Игорь повстречал давнего приятеля, и тот предложил ему хорошо оплачиваемую работу. На предприятии, где приятель возглавлял службу главного инженера, имелась вакансия старшего юриста. Но было два «но»: первое - частые командировки на головное предприятие, находящееся в двухсот километрах от деревни Сазоново. Не конец света, конечно, но все же. И второе – трудиться надо, что называется, от зари до зари, без всяких от восьми до пяти. Что также не устраивало Игоря, несущего ответственность за больного старого человека. Днем к бабушке часто забежала соседка, но у той и без бабули было дел выше крыши. Или приходила бывшая супруга Лизавета Середа, давно ставшая чужой женой и матерью дочери Катюшки. При всей своей взбалмошности Лизка была человеком добрым и ответственным, ежели того требовали обстоятельства. Но у Лизаветы своя жизнь, да и мужу не шибко импонировали метания жены. Хотя и слыл он подкаблучником, но собственное мнение при себе не держал, вот только Лиза мало обращала внимания на это. Однако всему есть предел, считал Игорь Левандовский.

Он объяснил приятелю свою сложную ситуацию, тот предложил нанять сиделку для старушки. Или жениться. В жены выбрать «подходящий экземпляр», так приятель и высказался.

Игорь подумал и предпочел второй вариант: все-таки рядом с бабушкой будет не посторонний человек.

Перебрал по памяти кандидатуры из деревенских, но быстро всех отверг. И вдруг вспомнил о женщине за тридцать, которая тоже работала на

кондитерской фабрике, поражала всех своей безотказностью, терпением и трудолюбием. Да, немного старше самого Игоря, да и внешность у нее не ахти - особенно портили впечатление кривые ноги, но в данный момент внешность не имеет никакого значения, - подумал Игорь и рассудил так: женщины за тридцать давно потеряли надежду на счастливый брак. Готовы выйти замуж на кривого-косоного, впрочем, за выпивоху – тоже готовы. Что уж говорить о мужчине без вредных привычек и приятной наружности, коим являлся он. Поэтому не стал рассусоливать и откровенно поведал своей избраннице, Татьяне Вырубовой, о причинах, побудивших его на этот шаг. Та хоть и имела за плечами всего лишь восьмилетку, но быстро сообразила: брак продлится до тех пор, пока жива старушка. Поэтому в интересах самой Татьяны продлить бабуле жизнь. А там будет видно – вдруг стерпится, слюбится.

Получив штамп в паспорте, Татьяна уволилась с кондитерской фабрики, где проработала, без малого, двадцать лет, и перебралась в деревню Сазоново, чтобы заботиться о хозяйке дома.

Надо признать, что старушка и раньше не отличалась тихим нравом, а после смерти мужа характер вовсе стал скверным. Однако новую жену любимого внука она приняла благосклонно. Внук предварительно провел профилактическую беседу, поведал о радужных перспективах на новом месте работы, бабуля сложила все «за» и «против» и пообещала «вести себя прилично», только бы у любимого внука не болела за нее душа. Пусть целиком посвятит себя новой работе, пусть начальство оценит его по достоинству.

Так и вышло. А бабуля прожила еще пять лет и все благодаря неустанной заботе Татьяны.

Когда старушка скончалась, Татьяна осталась жить в деревенском доме, а Игорь по инерции часто туда наведывался. Обоих такая семейная жизнь устраивала. Таня мечтала о ребенке, глупо верила, что ребенок укрепит их брачный союз. Игорь ни о чем таком не помышлял.

Но мечтам Татьяны не суждено было сбыться. Однажды с ней произошло несчастье. Она поскользнулась на мокром полу, неудачно упала, ударилась головой о старый бабушкин сундук и умерла. Ее обнаружила вездесущая Лизка, бывшая Середа, ныне – Сазонова, часто забегавшая к новой подружке.

Игорь Левандовский овдовел.

С той поры минуло два года. И вот, наконец, случилось чудо – он встретил свою любовь, в первый раз женился по большому светлому чувству, без всяких на то сторонних причин...

В один из дней Игорь отправился в районный центр за продуктами и задержался. Как после я узнала, он встретил своего старого знакомого и заболтался о том, о сем.

Я успела прибраться в доме, приготовить нехитрый обед. Затем меня занесла нелегкая на чердак.

На чердаке стол старый сундук. Видимо, тот самый, что стал виновником гибели Татьяны. И выбросить жаль, и видеть невыносимо, вот его и отправили в ссылку.

Любопытство - мое второе «я», но кто бы мог подумать: девочка- бабочка, порхающая с цветка на цветок, не от мира сего, ей были романы читать, да стихи декламировать. Внешность обманчива, как и туманный взор, смиренность, интеллигентное молчание. Бери ее и делай с ней что хочешь – это не про меня. Сильная любовь не затмила глаза и не перевернула мою тайную сущность.

Мое любопытство ни раз выручало меня в сложных ситуациях - осведомлен, значит, вооружен.

Поэтому, недолго думая, сунула свой любопытный нос сначала на чердак, потом в бабкин сундук.

Вот интересно, как бы события развивались далее, если бы не влезла - не сунула, если бы не сопоставила факты, не призадумалась...

Но я опережаю события.

В сундуке лежали старые платья, видимо, хозяйки дома, поеденный молью пуховый платок, женские туфли на низком каблучке, в которых, как я предполагаю, молодая девица выходила замуж за молодого тогда деда Игоря, Левандовского старшего. Еще был дедов пиджак, особо пахнущий плесенью, еще какая-то одежонка. Самое интересное находилось на дне сундука. Вполне себе приличная папка из черной кожи, слегка припыленная. Удивительно, что на нее не польстились мыши. Я достала папку, захлопнула крышку сундука и уселась сверху. Покрутила в руках свою находку, отложила

в сторону и принялась сверлить ее взглядом, словно ожидала подсказку – надо ли мне лезть в чужие тайны.

Пораскинула мозгами, пришла к следующему выводу – раз Игорь мой муж, не чужой человек, то я имею полное право узнать секреты его семьи. Мне так казалось, что в папке какие-то секреты, не серьезные, но дорогие сердцу. И эти секреты помогут мне лучше узнать своего мужа. Если положить руку на сердце, то надо признать следующее - я его совсем не знаю. Так и не разобралась, что он за человек.

Лизка, с которой я успела подружиться в наш самый первый день в деревне Сазоново, повторила рассказ Игоря слово в слово, особо не раскаиваясь за свой обман с тогдашней беременностью. Все сложилось как нельзя лучше. Она встретила своего человека, Николая Сазонова, он ее боготворит, обожает их дочь. Я как бы не сомневалась в словах мужа, но лишнее подтверждение не помешает. Естественно, я никаких вопросов не задавала, Лизавете Сазоновой это было и не нужно, ей нужны только «свободные уши», как выразился Игорь, когда гостя, наконец, удалилась. За короткое время Лиза успела пересказать все деревенские новости. Потом переключилась на Левандовского, каждое очередное вступление начиная словами: «А ты знаешь, Нина...» Ответы ей были не нужны. Хотя я назвалась при знакомстве Нинелью, новая подружка сказала, что будет называть меня Ниной. Я не возражала, так мне привычнее. А назвалась я Нинелью и добавила свою новую фамилию Левандовская, потому что красиво звучит, благородно.

- Почему у деда была такая благородная фамилия? - как-то спросила я у мужа, а он ответил, что его предки были «из бывших», судьба занесла их в деревню, здесь они и обосновались. Дед не любил рассказывать о своих родителях, он был партийным человеком с чистой репутацией и ею дорожил. Свою родословную держал в тайне.

- Однако, фамилию себе оставил, - в ответ обронила я.

Игорь только пожал плечами, затем задумчиво протянул:

- Наверно, на то была своя причина.

И вот теперь я сверлила взглядом черную кожаную папку и мысленно уговаривала себя схватить за бегунок и открыть молнию – папка была еще и на молнии.

Все же решилась.

В папке лежали старые газетные вырезки. Пожелтевшие и слегка помятые, как будто кто-то со злостью их скомкал, а потом разгладил и уложил для выпрямления в папку. Я заинтересовалась.

Над заметкой было название – «Волк в овечьей шкуре». Я сразу обратила внимание на фотографию мужчины. Несмотря на плохой снимок, я сообразила, что он мне кого-то напоминает. Решила помозговать после, а сейчас изучить материал. Если пересказать коротко, то этот мужчина - «волк в овечьей шкуре» - был четырежды женат и все его жены умирали через какое-то время после свадьбы. Со стороны всё выглядело как несчастный случай или внезапный сердечный приступ. Но волк-злодей заигрался и потерял бдительность, понадеялся на свою изощренную хитрость с выдумкой. Его обвинили в попытке убийства очередной жертвы, его пятой жены, которой по счастливой случайности удалось избежать приготовленной ей участи. Следствие заинтересовалось прошлой жизнью мужа-изверга. В результате было установлено, что жены скончались насильственной смертью.

С фотографии на меня смотрел мужчина, один в один похожий на... моего мужа. Преступника, приговоренного к высшей мере, звали Иван Александрович Колесников. Неужели это родной отец Игоря? Если не так, то зачем мужу хранить газетные вырезки о громком преступлении, совершенном в начале пятидесятых годов неким мужчиной, не имеющим к нему никакого отношения?

Выходит, Игорь знал правду об отце. Его матери чудом удалось избежать горькой участи, она взяла кроху сына и уехала подальше, вернулась к своим родителям, сменила сыну фамилию, чтобы ни он, ни одна живая душа не узнали о случившихся трагедиях с участием его отца с маниакальными отклонениями.

С маниакальными...

Вдруг эти... отклонения переходят по наследству?

Мне вспомнился странный взгляд мужа. Накануне я возилась на кухне, он встал в дверном проеме и цепко за мной наблюдал. Под его взглядом мне сделалось тревожно, не по себе мне сделалось. Но я отнесла странное поведение к своей мнительности и впечатлительности или к дурному настроению с самого утра. Что-то меня сильно тревожило, а вот, что - не могла понять. Я попыталась себя успокоить, но куда было деться от его взгляда, следующего за мной. Возможно, муж о чем-то задумался, ко мне это

не имеет никакого отношения. Надо просто вырвать его из невеселых дум и всё. Я так и поступила – задала Игорю невинный вопрос. Он не ответил. Он как будто вообще меня не слышал. Так глубоко погрузился в свои думы? Какие думы? О чем?

Я громко спросила:

- У тебя что-то произошло?

В ответ тишина. Я не сдалась - повторила вопрос три раза, можно подумать, его ответ или всего лишь одно слово вкупе с ясным взором могли окончательно меня успокоить и заставить забыть о внезапной тревоге, в которой я закопалась благодаря собственному заблуждению.

Игорь, наконец, очнулся, вздрогнул, взгляд стал осмысленным, но не сказать, что мягким и любящим. Он растянул губы в натянутой улыбке, развернулся и быстрым шагом покинул кухню, не сказав ни единого слова. Всё выглядело очень странно, если не сказать – подозрительно. Покопавшись в себе, я пришла к выводу, что ничего дерзкого или обидного не совершала.

После знакомства с Левандовским прошло совсем мало времени, и я каждый день ловлю себя на том, что чего-то боюсь. Я просыпаюсь утром, улыбаюсь и вдруг улыбка сползает с моих уст, я думаю: неужели подобное возможно? Неужели моя давняя мечта сбылась? Я счастлива? Я счастлива! Счастлива ли? Что меня гложет?

И вот вчера, когда муж странно себя повел, я как бы даже упокоилась: идеальные люди вызывают недоверие, а Игорь, слава богу, неидеален.

Потом случилось еще кое-что, и куда подевалось мое внезапное спокойствие, основанное на собственной глупости. Я проснулась среди ночи от духоты. Решила, что в спальне нечем дышать, но потом поняла, что рука мужа сдавливает мою шею. Он спит, а его рука меня душит. Я легко освободилась, ничуть не испугавшись, встала, распахнула окно, легла снова и быстро уснула. И кажется обо всем забыла.

Вполне возможно, мужу снился плохой сон. Всего лишь сон. Не задушил же он меня, в самом-то деле...

Но теперь, после вновь открывшихся обстоятельств, я могу посмотреть на произошедшее под другим углом. Могу и хочу этого, чтобы не оказаться на месте одной из жертв человека, который имеет родственную связь с

маньяком-убийцей, понесшим заслуженное наказание более четверти века назад.

Я вспомнила о второй супруге Игоря Левандовского, о Татьяне, которая самоотверженно ухаживала за старенькой больной бабушкой, хозяйкой этого дома. После смерти бабушки необходимость в Татьяне отпала... И что я хочу этим сказать? Игорь мог подать на развод и все дела.

Мог, но не стал этого делать. Вдруг ему стало интересно – а сможет ли он поступить так, как поступил четырежды его отец?

Взял и подстроил несчастный случай с неудачным падением. И тем самым освободился от супруги, надобность в которой отпала с уходом бабушки.

Прокатило – никто ничего не заподозрил...

Кажется, я забралась в такие дебри, из которых мне сложно будет выбраться, если я дам разгулять моему воображению.

Я вернула папку на место, попыталась уложить вещи в правильном порядке. Сердце при этом колотилось так, словно хотело выбраться наружу и исполнить зажигательный танец воочию.

Чтобы скрыть следы своего пребывания на чердаке, я схватила пыльную тряпку, потрясла ее над сундуком, над полом. Получилось, пусть не слишком хорошо. На слабых ногах выбралась с чердака, тщательно вымыла руки и лицо.

Я была такой бледной, как будто провела не менее года в темном подвале. От сравнения мне стало так плохо, что я еле доковыляла до кровати, свалилась и собралась отключиться от страшных мыслей проверенным способом – погрузиться в сон. Но вовремя передумала. Сейчас вернется муж, он решит, что я больна... Чем не повод... развить ситуацию ради достижения своей коварной цели.

Я молода. Я хочу жить.

У меня слишком развито воображение! С чего я взяла, что мне грозит опасность? Игорь не так на меня посмотрел?

Я передернулась, снова вспомнив его пустой невидящий взгляд.

Он все для себя решил. Он ждет подходящего случая, но его мозги переключились, нервы натянуты до предела.

А я умница. Я молодец, что влезла в сундук и узнала правду о его отце. Отец маньяк и сын его...

Надо поговорить с Лизаветой Сазоновой о Татьяне, выяснить подробности ее гибели. Игорь сам говорил, что тело Тани обнаружила Лиза Сазонова.

Выходит, он подстроил несчастный случай и смылся в город, обеспечил себе алиби. Он знал, что Лиза обязательно забежит к его жене и увидит... то что увидит...

Быстро поднимайся и иди к Лизе! – мысленно приказала я самой себе. – Эдак можно долежаться... до гробовой доски...

Видение себя в гробу придало сил.

Дом Сазоновых, Лизы и Николая, был на этой же улице. Когда я закрывала за собой чужую калитку, то успела заметить, как вдали показался знакомый автомобиль. Вовремя я смылась! Встретаться сейчас с Игорем мне было нелегко. Надо прийти в себя. Научиться актерскому мастерству за короткий срок, чтобы Игорь ничего не заметил.

Достаточно взрослая дочь Лизаветы, Катюшка, умудрилась усесться на маленький трехколесный велосипедик, на котором гоняла года в два, и теперь еле-еле передвигалась по двору, постоянно задевая коленками руль, отчего передвижение выходило вихляющим. Велосипедик издавал зубодробильный скрип, но «наездницу» нисколько не раздражал. Завидев меня, девочка громко поздоровалась и закричала во всю мощь своих легких:

- Mam, к тебе пришли!

- Кто? – слышался из дома голос хозяйки.

- Тетя Нина!

Тут же из дома показалась Лиза в домашнем платье пестрой расцветки, фартуке и с бигуди на голове. О как!

- Привет, Лиза, ты куда-то собираешься? Если так, то я не стану мешать, позже зайду, - с легко читаемым сожалением произнесла я.

- Никуда я не собираюсь, - отмахнулась молодая женщина и пояснила, - хочу выглядеть не хуже городских, - и звонко рассмеялась, запрокинув голову. – Ты проходи, Нин. – Хозяйка посторонилась, пропуская меня в дом.

– Может, лучше на улице поговорим? – не сдвигаясь с места, спросила я, уловив краем глаза скамейку, расположившуюся под раскидистой яблоней.

Хозяйка кивнула, прошмыгнула к скамейке, сбросила фартук и махнула по ней – предложила мне располагаться.

Рядом выросла нескладная фигура Катерины. Девочка собиралась присоединиться к нашей беседе.

- А ты чего? - набросилась на нее мать. – Иди, играй, нечего слушать взрослые разговоры.

Девочка возмущенно поспела и отправилась восвояси. Вскоре за домом послышался знакомый скрип.

- Нин, молочко будешь? С утренней дойки? – поинтересовалась гостеприимная хозяйка.

Молоко я с детства не люблю, тем более не пастеризованное, но пришлось согласиться - расположить к себе хозяйку. Она исчезла в доме, но очень быстро вернулась с глиняной крынкой молока в руках, кружкой и с тарелкой свежее испеченного хлеба, нарезанного крупными ломтями.

- Угощайся, - предложила она, выставляя угощение на скамейке между нами.

- Спасибо.

Я рассчитывала, что Лиза задержится в доме и я успею сочинить хотя бы вступительное слово, а потом речь польется, как у заправского вряля. Но, увы.

Я начала тянуть из кружки молоко. От угощения меня отвлек новый звук. Я повернула на него голову и увидела почтальоншу, которая перемещалась от калитки к калитке и отправляла корреспонденцию в почтовые ящики.

- Ходила на почту, - ляпнула я, складывая в уме сочиненную на ходу историю, - подруге звонила, - понизив голос произнесла я, дав понять, что сообщу нечто важное, не для посторонних ушей, но Лизка – избранная. Поэтому, по моему разумению, она должна ответить «добром на добро».

Лизка, будучи девушкой сообразительной, любознательной и болтливой, вся подобралась – приготовилась слушать, не желая пропустить малейшую деталь из моих откровений. Показалось, даже дыхание затаила.

- Есть у меня подруга, - шепотом начала я и повертела головой. Лизка последовала моему примеру. – Так вот, есть у меня подруга, она... попала в затруднительное положение.

Лиза прикрыла рот ладошкой и покачала головой из стороны в сторону – выказала сочувствие и мне, и подруге, попавшей в затруднительное положение.

- Был у нее муж, - продолжила я, - гулящий, жуть. Когда она выходила за него замуж, то отчетливо понимала, за кого выходит, но все равно... И если бы он из себя что-то представлял, еще можно было понять, а он... смотреть страшно – ни кожи, ни рожи. А она, подруга моя, настоящая русская красавица, вышла и статью, и лицом... В общем, поженились они, и началось – ни одной юбки он не пропускает, и особо перед женой не таится.

- А она?

- Она терпит и молчит. Как-то раз возмутилась, так он на нее руку поднял. Я ей: у тебя женское достоинство есть?! Что, на нем свет клином сошелся?!

- Да, бабы дуры, - высказалась Лиза, постепенно теряя интерес к разговору.

Пришлось закрутить сюжетец.

- И вот однажды, уж не знаю, что там между ними произошло, вероятно, очередной конфликт с рукоприкладством со стороны мужа, но русская красавица оттолкнула его от себя, не рассчитав силы. Муж упал и... затих. Она к нему, а он не дышит. Представляешь, при падении ударился виском об угол кухонного стола.

- Ничего себе, - с придыханием произнесла Лизавета.

- Она, подруга моя, юрист по образованию, как Игорь, поэтому тотчас сообразила, что ей грозит тюремный срок за непредумышленное убийство. А кому охота срок мотать? Никому.

- И что? Что дальше было?

- Кстати вспомнила, что днем у них в доме выключали холодную воду, полчаса как включили. Она быстро накидала в мойку посуду, открыла кран и потихому покинула квартиру. Отправилась в магазин. Там намеренно устроила скандал – чтобы ее запомнили, набрала сумку продуктов и вернулась домой. К тому времени у соседей случился потоп с потолка. Они уже осаждали ее квартиру. В их присутствии она открыла ключом дверной замок, вся компания ввалилась в квартиру, и проследовала на кухню, где на полу лежал погибший муж. Якобы он вернулся домой, увидел потоп, ринулся закрывать кран, поскользнулся, в падении ударился головой и умер. Вызвали «Скорую» и милицию. Врачи констатировали смерть в результате несчастного случая.

- Так она, подруга твоя, «вышла сухой из воды»? – уточнила Лиза.
- Вышла-то вышла, но трясется от каждого звонка в дверь – боится, что откроются новые обстоятельства, труп эксгумируют и проведут более тщательное расследование. Поэтому я ходила на почту, звонила подруге. Хотела как-то поддержать, успокоить и узнать последние новости. Пока все тихо.
- Ей надо обо всем забыть и жить дальше, - с умным видом изрекла хозяйка дома. – Муж сам виноват – любому женскому терпению рано или поздно приходит конец.
- Ты всё правильно говоришь, но закон есть закон, и закон суров, тем более, если выяснится преднамеренный обман следствия. Правду знали только двое – я и подруга, естественно, теперь знаешь ты. Лиза, я очень на тебя надеюсь.

Лиза приложила указательный палец к губам – никому!

Жаль, но откровений с ее стороны не последовало. Пришлось мне продолжить.

- Я в одной книжке недавно прочитала: от сердечного приступа скончалась молодая женщина. Ее отец, большой ученый, был в это время за границей на симпозиуме, на похороны не успел. И никак не мог поверить, что смерть дочери была естественной – на здоровье она никогда не жаловалась. Отец вбил себе в голову, что зять убил его дочь – зять он невлюбил с первой минуты знакомства. Папаша был человеком со связями, добился эксгумации, и упросил своего близкого друга, патологоанатома, провести тщательную проверку. И что бы ты думала, друг-патологоанатом нашел крохотный след от инъекции – под мышкой. Муж что-то вколол жене, произошла остановка сердца и конец. В итоге муж признался в преднамеренном убийстве.

- А зачем он ее убил?

- Долгая история, - не стала я «вдаваться в подробности».

Бьющее фонтаном красноречие иссякло. Если и сейчас Лиза отмолчится, то мне придется уходить не солоно хлебавши. Не знаю, что она увидела на моем лице, но сжалилась.

- Раз пошла «такая пьянка», то я тоже кое в чем тебе признаюсь, хотя, Игорь взял с меня слово... И я обещала, что буду молчать.

- Лиз, ты меня пугаешь, давай уж, говори, не томи, - взмолилась я. Глаза наполнились искренними слезами – мои сомнения окончательно улетучились, и я поняла: мне грозит серьезная опасность.

Я-то думала, речь пойдет об умершей Татьяне, но глубоко ошибалась.

- Я бы все равно с тобой поговорила, несмотря на данное обещание, - ласково поглаживая меня по плечу, прошептала Лизавета. – Нин, ты мне очень симпатична, я не допущу, чтобы ты...

- Чтобы, что? - гнусаво поинтересовалась я, не дождавшись продолжения.

- Нин, ты не думай о плохом. Один врач сказал, это еще ничего не значит. Надо пойти к другому, хорошо провериться. Может тот, первый, плохой специалист, а ты сразу...

- Лиза, ты можешь говорить яснее? - запуталась я.

- Я понимаю, тебе хочется скрыть правду, и ты Игоря ни в чем не вини, он тебя по-настоящему любит, поэтому переживает. Конечно, дети - это цветы жизни, и, в крайнем случае, можно взять ребенка из детского дома. Негоже... сразу... в омут с головой.

- Я как-то и не собиралась в... омут, - невнятно пробормотала я, начиная постепенно соображать, что к чему.

- В омут – это я так выразилась. Игорь сказал, что ты хочешь наложить на себя руки. Узнала о том, что не можешь иметь детей и теперь... ходишь сама не своя. Я тоже заметила, что на тебе лица нет. Ты отстраненная и задумчивая.

- Я всегда такая, - откровенно призналась я. - Я молчунья... Только сегодня изменила своей привычке, разболтала чужую тайну, - опомнилась я. – Значит, Игорь сказал...

- Он прямо не сказал, он высказал свои опасения, - подсказала Лиза. – Дескать, ты переживаешь, что он тебя бросит. С каждым днем ты все больше и больше уходишь в... в эту... как ее?

- В депрессию?

- Ага. Игорь тебя очень любит. И переживает.

- Ты об этом уже говорила.

- А ты? Ты его любишь, Нин? Впрочем, чего я спрашиваю, и так все ясно.

- Выходит, я боюсь, что меня бросит муж, и эта боязнь стала навязчивой идеей. Я этого не переживу, уж лучше... в омут с головой.

- Ниночка! – взывала Лизавета, - я тебя очень прошу, не делай этого, ты еще молода, в жизни будет много хорошего...

- Лиза, запомни, я не собираюсь кончать жизнь самоубийством, - четко выговорила я. – Если со мной что-то случится, так и знай – мне помогли. Поняла?

- Что значит, помогли? В смысле...у... убили? Ты на... Игоря намекаешь? – округлила глаза от испуга Лизавета.

- Я ни на что и ни на кого не намекаю.

- Нет, погоди, давай проясним ситуацию. Если ты чувствуешь опасность, то надо пойти в милицию и обо всем рассказать!

- О чем я им расскажу? Игорь скажет, что у меня не все дома, а ты подтвердишь. Ты знаешь Игоря сто лет, а меня... почти не знаешь... Не все психи выглядят как психи.

Лиза как-то подозрительно покосилась на меня. Мне показалось, что обе истории, недавно ею услышанные, она увидела под другим углом. И еще не ясно, кому на самом деле грозит опасность – мне или ее дорогому Игорьку. И не мне, а ей, Лизавете, надо бежать в милицию и писать на меня заявление.

- Я не психопатка, поверь, могу справку предоставить, - с кривой улыбкой заявила я и покинула чужое подворье...

Игорь склонился над раскрытым капотом автомобиля. Его лицо и руки были измазаны моторным маслом. И был он такой потешный. Такой милый...

Такой пугающий своей напускной радостью.

- Где была моя любимая женушка? – обратился он ко мне в третьем лице, натянув на уста лживую улыбку. В его глазах притаилось едва уловимое напряжение.

Кажется, у меня мания преследования.

- Прогулялась по деревне, - «призналась» я, открыто поглядывая на мужа, чтобы он ничего не заподозрил.

- Гуляет она, а муж голодный, - пошутил Игорь.

- Я быстро, - на ходу сказала я и скрылась на кухне.

Надо сказать, что ужин у нас не отличался разнообразием. Еще в детстве бабушка приучила внука кушать на ночь манную кашку. Она утверждала, что завтрак должен был «мясным», обед – состоять из наваристого борща, а ужин – из каши, лучше манной. Я усиленно пыталась укрепить в сознании мужа свою теорию, но у меня ничего не получалось. Вечером я ставила на стол его любимую манную кашу, и кое-что более заслуживающее внимания для здорового мужика. Мужик по-прежнему выбирал кашу, но я не сдавалась. Как и на этот раз. Вторым пунктом меню было жаркое, источающее необыкновенный аромат.

Игорь, чистенький и благоухающий земляничным мылом, придвинул к себе тарелку манной каши, я принялась ковыряться в жарком. Аппетит напрочь пропал. Мои опасения усилились – муж смотрел на меня так, как смотрит палач на приговоренного к казне. Все роли расписаны, чья-то участь решена.

Я ловила на себе его дикие взгляды, однако до последнего надеялась, что всё себе напридумала. А Лизка что-то не так поняла, напутала. С нее станется – много информации держит в своей голове.

Когда тарелка опустела, муж ласково обратился ко мне:

- Вечер сегодня чудесный, а не прогуляться ли нам до озера.

- Так поздно уже, - проблеяла я, пытаюсь спрятать подальше свой испуг.

- Десять часов всего-то.

- А деревня давно спит.

- В деревне рано ложатся и встают с петухами. Только молодежь толчется возле клуба, но мы туда не пойдем.

- А что, может и нам пойти в клуб, потанцевать? – заискивающе спросила я.

- Вот еще, - передернул плечами муж. Резко поднялся и приблизился ко мне. Рывком поднял меня со стула, прихватил под локти и, впившись безумным взглядом в мои глаза, зашептал:

- На озере сейчас хорошо, тихо, спокойно, только лягушки квакают, да камыш шумит. Нам никто не помешает.

- А рыбаки?

- Рыбаки придут на озеро ближе к зорьке.

- А что мы будем делать на озере?

- Сидеть на берегу и мечтать, - с трудно уловимой угрозой в голосе промолвил мой некогда обожаемый муж. Угроза исходила от него с такой силой, что у меня дрожали не только коленки, но и все части тела. Язык совершенно не слушался, а сознание куда-то уплывало. Сердце колотилось и почему-то било по нижней челюсти. Сердце... Сердце... И тут в памяти всплыла фраза Лизаветы, которую она как-то обронила: «Игорь родился с пороком сердца. С возрастом проблема ушла сама по себе. Когда умерла Татьяна у Игоря был такой больной вид, что я испугалась – вдруг он сам умрет от сердечного приступа. Он очень впечатлительный».

Я нашла в себе силы собраться, включить мозги и отодвинуть на задний план безумный страх.

- Игорь, я должна тебе признаться.

- В чем же? – поинтересовался он без всякого интереса и поцеловал меня в шею. Ужалил. Я вздрогнула.

Я должна собраться. Это мой последний шанс. Всё ясно – он отведет меня к озеру и там... утопит. Вернется домой, утром обнаружит, что меня в доме нет, бросится к Лизке, она вспомнит о моем желании покончить жизнь самоубийством по причине бедности и боязни быть брошенной, а потом... в озере обнаружат мое бездыханное тело.

Я не сдамся. Я буду бороться.

- Игорь, я должна тебе сказать... должна признаться, что... разочаровалась в тебе. – Муж отпрянул от меня так резко, как будто я его с силой оттолкнула, почти как моя выдуманная подруга – русская красавица - отпихнула от себя гулящего мужа. - Я выдумала себе некий образ, но ты ему не соответствуешь. Я тебя не люблю, я не хочу с тобой жить. Но я ненавижу всякую кутерьму с разводами, поэтому решила со всем покончить не тривиально – ты умрешь, я избавлюсь от тебя.

Игорь упал на стул, на котором недавно сидела я.

- Забавно, - выдавил он из себя. Побарабанил пальцами по столу, потом поднял на меня глаза. – И как же ты решила от меня избавиться?

- Я добавила в манную кашу крысиный яд. Неужели ты не почувствовал? Да-да, крысиный яд. Доза не так велика, чтобы скончаться в один миг. Но сейчас

ты начнешь чувствовать изменения в твоём организме. Сейчас-сейчас. Я уже вижу, как побелело твоё лицо, как посинели твои губы...

Я что-то говорила дурным голосом, Игорь не сводил с меня немигающих глаз. Потом он сполз со стула и сложился на полу в позе безмерно уставшего человека, к которому внезапно подобрался сон.

Меня трясло как в лихорадке. Я находилась на грани сознания, но держалась из последних сил. Я должна улепетывать отсюда, пока он не очнулся. Бежать-бежать сломя голову куда угодно...

Но я не сдвинулась с места. Я стояла истуканом и не сводила непонимающего взгляда с «уставшего» мужа, нашедшего покой на полу. Я так всматривалась в его лицо, в его грудную клетку, которая не поднималась не и не опускалась, что у меня от напряжения заслезились глаза. Ноги меня не удержали, и я тоже сползла на пол. Моя рука потянулась к его запястью. Я решилась проверить пульс... Игорь был мертв.

Я плохо помню, что произошло потом. Кажется, я бегала по соседям и просила помощи. Помощь прибыла в виде автомобиля с красным крестом. Люди в белых халатах склонились над телом мужа.

Они констатировали смерть...

Причина – слабое и больное сердце.

Предтеча – сильный испуг, но это навсегда останется моей тайной.

Я не раскаивалась ни тогда, ни, тем более, сейчас.

Могла найти другой выход? Наверное, могла. Но на ходу нашла этот. Потому что до конца не верила в то, что должно было произойти.

Когда приблизилась к опасной черте и сообразила, что за мою жизнь никто не даст ломаного гроша, что никто не придет мне на помощь, что человек, которого я считала своим мужем, которого я полюбила с первого взгляда, заранее разработал хитрый план. И мне его не переиграть. И еще поняла, что у меня нет сил, что я растеряла все силы за несколько часов метаний, прошедших после находки в сундуке.

У меня не было опыта борьбы не то что за собственную жизнь, за правду. Я всегда уходила в сторону. Но я была уверена - настанет день проверки на прочность. Я встретила мужчину, решила – он опора, с ним мне не грозит ни опасность, ни какие бы то ни было проверки. Мне сильно повезло, так я

считала. Когда-то рядом были любящие родители, теперь – любящий муж. Упакованный в цемент внутренний стержень никуда не исчез. Как будто я предчувствовала беду, мягко подступавшую ко мне. Беда уже распахнула объятия...

Неужели я правда предчувствовала то, что может со мной произойти? Почему первая в моей жизни любовь не расплавила мне мозги и тот самый внутренний стержень? Кто заставил меня остаться прежней, тихоней-наблюдательницей? Кто отправил меня на чердак... за подсказкой?

У меня нет ответа.

Знаю одно – я боролась за свою жизнь и вышла победителем, пусть ценою чужой жизни.

Моя дальнейшая жизнь сложилась счастливо. Я встретила своего человека, которому безоговорочно поверила. В браке родились дети, затем появились внуки. Никогда и никому я не открыла свою тайну. Но я всегда убеждала окружающих в одном: мы не знаем, какая силы сидит внутри нас. Сидит и ждет своего часа...

Январь 2021г.